

КУДА ТЕКУТ РОДНИКИ

Куляш ушла от нас в расцвете творческих сил, многим ее замыслам не суждено было осуществиться. Но имя ее незабываемо. И сегодня звучит в нашей памяти пленительный голос певицы, в котором словно светятся краски необъятной казахской степи. И мы с благодарностью говорим о Куляш, отдавшей все свои способности, знания и силы благородному делу становления национального казахского театра.

К. Джандарбеков

С первой встречи вы оказывались в плену ее, не побоюсь сказать, всевластного обаяния. В ней пленяло все: и голос, и глаза, и обезоруживавшая, не знавшая притворства улыбка. И умение любить и уважать своих современников.

Ее «открыл» и вывел на театральные подмостки Серке Кожамкулов – всеми любимый и горячо почитаемый мастер казахской национальной сцены, волшебник своего дела, неповторимый и неувыдаемый наш Серке-ага. Вот как это случилось. К ним, зачинателям казахского советского профессионального театра, как-то заглянула тоненькая, как былинка, девушка с большими ласковыми глазами и смущенной улыбкой на трепетных губах. Видите ли, она тоже хотела стать актрисой!

На первых же пробах Серке стало ясно – у тоненькой, как былинка, девушки природный талант. Слияние слова и жеста. Выразительная мимика. Одухотворение и порыв. К тому же голос – чистый и прозрачный, похожий на звон струи бьющего из земной глубины степного родничка. Не хватало умения, профессионального мастерства. Дело наживное, приобретается опытом. Серке Кожамкулов поверил в ее способности, воспламенил этой верой Куляш, принялся помогать ей овладевать секретами искусства, которыми уже владел сам.

Готовилась к постановке пьеса о революционных событиях, имевших место в родном Жетысу. Заглавная героиня – неопытная девушка, волей трагических обстоятельств оказывается за кордоном. Прозрение приходит не сразу. Ценой невероятных лишений и страданий ей удастся вырваться на Родину. Теперь перед зрителями должна предстать преждевременно увядшая, опирающаяся на посох, женщина. Не все ладилось у молодой актрисы в этом кульминационном эпизоде. Она приходила в отчаяние.

– Бездарная, ни на что не способная девчонка!

Не отчаивался Серке-ага. На репетициях он внушал:

– Повторим эту сцену еще раз... Не спеши, не суетись. Ты опустошена душой, и тебе нужна опора. Ты ищешь ее не в посохе, а во встрече с родными местами, с близкими людьми. Это тебя волнует, вселяет надежду найти свое место в новой счастливой жизни. Ты роняешь посох, и слезы искупления и радости сами собой льются из твоих глаз. Поверь, ты добьешься своего, и горячие рукоплескания зрителей будут тебе наградой.

Она сокрушалась:

– В том и беда, что они не льются!

Серке не отступал. Но однажды и он вышел из себя. Спросил сурово и требовательно:

– Ты вообще когда-нибудь плакала?

У нее от природы был общительный, жизнерадостный характер. К тому же в юности плачут редко. И если плачут, то... Словом, она вспомнила.

– Плакала. Вместе с мамой. Когда отец сказал, что уходит от нас навсегда и бросил одних на старой зимовке.

Серке-ага долго молчал. Всякое горе – горе, но детское...

– Тебе было очень больно и горько оттого, что несправедливый поступок и жестокость отца поразили тебя в самое сердце.

– В самое сердце, – как эхо отозвалась она, и слезы сами собой брызнули из ее огромных, как блюдца, широко открытых глаз.

Приблизились сроки премьеры. Он сказал:

– Завтра, на сцене, когда ты уронишь ставший тебе ненужным посох, ты вспомни, как отец бросил на произвол судьбы тебя и мать. Пожалуйста, крепко вспомни!

Серке понимал, поступает жестоко. Но иначе поступить он не мог.

И на премьере произошло чудо: она не играла, а жила жизнью своей героини. Люди в зале то замирали в тревожной тишине, то неистово рукоплескали, плакали и радовались, будто та, на подмостках, женщина была их родной сестрой. И Куляш радовалась и плакала. За кулисами, уткнувшись мокрым лицом в грудь своего наставника.

– Слышите, они аплодируют! Я счастлива, и это счастье открыли мне вы, Серага!

– Ты покорила их своим талантом. Иди вперед без страха. Но не заносись, не кичись. В труде и постоянном поиске ты достигнешь вершины, и твой талант разгорится яркой, неповторимой звездой.

Этому завету Куляш была верна всю свою жизнь.

Да, она была очень талантлива и очень общительна – черты, присущие незаурядной личности. Она жила, как живут все смертные мира сего. Держалась просто и, сказал бы я, застенчиво. Но тем, кому посчастливилось оказаться ее современником и хотя бы мимолетно соприкоснуться с нею, не мог не заметить, каким самобытным и ярким талантом наградила ее природа.

В ней как бы раскрылись жизненные силы народа, призванного Великим Октябрем к строительству новой свободной счастливой жизни. Своим самобытным дарованием она вместе с блистательной плеядой актеров старшего поколения пленяла сердца, разрушала предрассудки.

Примечательно в этом отношении признание Алексея Николаевича Толстого. Уж он-то повидал на своем веку актеров, хороших и разных, знал и

любил театр! Его невозможно было провести на мякине, как старого воробья. Поскитавшись по свету, он вернулся на Родину и вскоре в Ленинграде попал на спектакль с загадочным названием «Ер-Таргын» молодого, доселе ему неведомого казахского театра. Со смешанным чувством скептицизма и недоверия он ждал, когда поднимется занавес. И вот началось действие. И – признание А. Толстого:

«...С первых же тактов народной казахской музыки, с первых движений актеров, с первых звуков их голосов – и страстных, и пленительных – чувствую, как рушатся во мне предрассудки. Передо мною и театр, и что-то большее, чем театр. Раскрываются глаза. Доверчиво, с благодарностью, с восторгом. Раскрывается то, с чем мы воспринимаем подлинное, редкое, золотое искусство. Движения актеров, их пляски, их мимика – с неизъяснимой грацией какой-то вековой гордости. Верись, верись. Непонятный их язык становится понятен. Здесь присутствует красота, здесь сила и молодость убеждения, здесь то, что города Европы давно растратили и растеряли, о чем так тоскуют лучшие люди – об этой золотой, юной, кипящей крови искусства...»

И у Куляш все было подлинное, редкое, золотое. Она обладала талантом, который называют народным. Оттого образы, созданные таким талантом, обладают животворной силой воздействия на умы и сердца современников и навсегда остаются в памяти.

Акжунус в «Ер-Таргыне», Кыз-Жибек в одноименной опере, мадам Баттерфляй в «Чио-Чио-сан». Каждая роль – вершина и триумф великой актрисы! Наконец, пушкинская Татьяна в «Евгении Онегине». Музыкальный критик А. Троицкий справедливо заметил, что созданный Куляш образ Татьяны «...свободно мог соревноваться с образами, созданными многими русскими артистами, несмотря на то, что исполнила Куляш партию на казахском языке... Невозможно было насытиться исполнением Куляш знаменитой «сцены письма»: такой чистотой и грацией веяло в эти мгновения...».

Я не могу, не имею права говорить о том, как и кем она стала для профессионального казахского оперного искусства, для всей казахской культуры. И только ли для казахской? Этим занимались и занимаются сведущие авторы – им, как говорится, и карты в руки. В своих заметках я хотел бы рассказать об одной встрече с выдающейся актрисой, о личных впечатлениях от этой встречи; хотел бы вспомнить живые черточки характера... звездные часы... – все, что западает в сердце от общения с яркой личностью и что навсегда остается в памяти.

Куляш была такой личностью. Она вышла из народа и щедро отдавала ему волшебную красоту и силу своего таланта, всю свою полную поисков и свершений жизнь. Она жила, как пела, и пела, как жила. Это было ее естественным состоянием.

Впервые я увидел и услышал ее на тое по случаю пятнадцатилетия родной мне казахской республики. Кумачевые, солнечные дни. Шумные в парках и на площадях вечера. Праздник как праздник, хотя жили мы тогда скудно: ни изысканных яств, ни модных костюмов, ни просторных и светлых с кондиционированным воздухом дворцов. Но наши чувства, надежды и мечты, наша радость и наша вера были богатыми и юными, как сама жизнь. Вместе со всем народом мы гордились первыми успехами в социалистическом строительстве Казахстана, вместе со всем народом жаждали новых подвигов.

Вместе пели, плясали, читали стихи на празднике... В тот день мы собрались в какой-то барачного типа вместительной столовой. Под низким потолком на потемневших от жары и копоти шнурах раскачивались, излучая сумеречный свет, электрические лампочки без абажуров. Выданное на столы угощение по тем временам было просто расточительным. Было даже вафельное печенье. На почетных местах сидели еще не тронутые сединами, но уже знаменитые на всю республику писатели и артисты – Сакен Сейфуллин и Сабит Муканов, Беимбет Майлин и Ильяс Жансугуров, Мухтар Ауэзов и Калибек Куанышпаев, Серке Кожамкулов и Елубай Умурзаков, Иса Байзаков и Курманбек Джандарбеков; в середине зала знаменитости помоложе – Абдильда Тажибаев, Таир Жароков, Габит Мусрепов, Аскар Токмагамбетов, Калмакан Абдыкадыров, поближе к дверям – мы, совсем зеленая поросль, неизвестные стихотворцы, домбристы, певцы.

На шатких, наспех сколоченных подмостках азартно состязались в острословии народные акыны. В том айтысе, если мне не изменяет память, принимали участие Кенен Азербаетов и Нартай Бекежанов, Жамбыл Жабаев и Шашубай Кошкарбаев. Первенствовал, кажется, самый темпераментный из них – Иса Байзаков.

Едва прекратилось состязание акынов и замолкли звуки нартайской гармошки, как на сцену легко взбежал чернокудрый, с ярким румянцем на щеках домбрист. И тотчас раздались возгласы:

– Гарифулла!

– Давай «Шестнадцать девушек»!

– О-го-о!

Это был он – Гарифулла Курмангалиев. Он улыбался и кланялся – молодой, энергичный. В глазах искрились алмазы.

Впрочем, все мы тогда были молодыми. Даже неукротимый в песенных атаках и не имевший себе равных в искусстве импровизации не только двустиший, а и целых поэм, Иса Байзаков.

Гарифулла чем-то походил на своего прославленного старшего собрата, но его звонкому, литому голосу, казалось, не было равных. Как он пел в тот вечер... как играл на домбре! Зал то сладостно замирал, то покатывался со смеху, то постепенно гикал, как это делают, подбадривая любимого наездника и его скакуна на байге.

Так, по крайней мере, вели себя мы, зеленые юнцы. Впрочем, вместе с нами гикал до хрипоты, смеялся до слез и никак не мог усидеть на месте самозабвенно влюбленный в народные зрелища Сабит Муканов. Коренастый крепыш Майлин и всегда задумчивый Ильяс Жансугуров выражали свои эмоции внешне более сдержанно. Сакен Сейфуллин горделиво улыбался, поглаживая смоляные усы. У Мухтар Ауэзов и Калибек Куанышпаев плечи ходили ходуном.

А Гарифулла пел. А Гарифулла играл. Создалось впечатление, что мы у него на празднике, на торжестве его победного искусства. И все мы настроились на волну Курмангалиева, забыв обо всем на свете. Мы плыли на его волне, искрометная страсть и бунтарское мастерство захватили нас. Гарифулла чувствовал это, голос его звенел все чище и сильнее, тонкие и гибкие пальцы стремительно бегали по жильным ладам. Мы долго не отпускали его. И он пел, играл. И был счастлив вместе с нами.

Есть в звучании домбры, когда оно сливается с душевным настроем маэстро, свое неповторимое степное очарование. Когда начинаешь это чувствовать и постигать, голос двухструнной, с жильными передвижными ладами домбры может поведать тебе о многом. Для себя я сделал это открытие на том тое, слушая Гарифуллу.

Потом домбра мне открывалась на концертах Дина Нурпеисова и оркестра казахских народных инструментов, когда им дирижировал Ахмет Жубанов в концертном зале имени Пётр Ильич Чайковский. Пережил я это удивительное чувство первооткрывателя и на юбилее Сабит Муканов, когда слушал юного, по-настоящему одаренного и, как мне показалось, самозабвенно влюбленного в нехитрый музыкальный инструмент студента консерватории Шамиля Абильтаева.

В его волшебных руках домбра преобразилась. Он то приглушал, то форсировал звук, как бы говоря:

«Я понимаю: скрипка и фортепиано, тем более симфонический оркестр определяют степень музыкальной культуры. Но и без домбры обеднеет духовная жизнь моего народа, как обеднеет она у русского без балалайки, у украинца – без бандуры».

Сегодня – Шамиль, Нургиса Тлендиев. А там, на том тое, был Гарифулла. Много вдохновенных песен, шуток, мелодий подарил он нам в тот вечер. Наконец, он скрылся за самодельными кулисами и уже не вышел, несмотря на лавину рукоплесканий и неистовые крики «бис». Постепенно шум затих. Люди, как бы очнувшись от колдовства, недоуменно оглядывались по сторонам, хмельные от радости, которую с королевской щедростью подарил им Гарифулла.

Тогда-то и появилась на подмостках Куляш Байсеитова. Как-то незаметно и естественно, как будто бы находилась незримо рядом с Гарифуллой все это время. Тоненькая, гибкая, стройная. Ладная, юная стать ее фигуры угадывалась под складками не вполне элегантно пригнанного платья. Две тугие, иссиня-черные косы струились по ее плечам, спине. Но, помнится, меня поразила первозданной чистоты белизна ее лица. И на этом лице – огромные, как блюдца, лучистые глаза. В них ни смущения, ни робости. Надежда. И обещание подарить нечто такое, что оправдает наши ожидания.

Она запела. И тотчас произошло чудо. Как будто бы в столовой в разных местах установили чуткие и совершенные динамики: голос певицы звучал рядом, одинаково емкий, одинаково сильный для слуха тех, кто теснился возле подмостков и кто сидел у входных дверей.

В тот вечер Куляш еще не была великой актрисой, какой она стала спустя годы. Но мы, естественно, слушая ее, не думали о том, какое место предопределено ей судьбой в истории современного казахского театрального искусства. Но и тогда было ясно – Куляш не просто талантливая актриса. Куляш – явление. Да, ныне искусствоведы утверждают: с приходом Куляш Байсеитова на сцену музыкальные сокровища казахов поднялись на вершину профессионального национального оперного искусства. Так оно и есть на самом деле.

Но уже тогда, на том тое в честь набиравшей силы молодой республики, именовавшейся некогда степным краем, каждый из присутствовавших и каждый

по-своему почувствовал это. Если в таланте Гарифуллы преобладала стихия народности, то у Куляш угадывалась та высокая степень музыкально-песенной культуры, которая, питаясь и шлифуясь истинной народностью, оборачивается алмазом высокого и чистого искусства. В случае с Куляш так оно и произошло. Став профессиональной оперной актрисой, она не утратила национального начала. Напротив, она засверкала новыми гранями.

И не случайно спустя годы Мухтар Ауэзов скажет:

– Как с Абай Кунанбаев начинается наша письменная литература, так с Куляш и с тех, кто был рядом с нею, мы будем отмерять время казахской профессиональной опере.

Тогда, повторяю, мы не думали об этом. Мы просто слушали Куляш. Восхищались, любовались ею. И рукоплескали, рукоплескали, рукоплескали... Потом разгорелся спор: устоит ли присутствие казахской песенной традиции одноголосье перед натиском многоголосья. Один, ныне маститый и любимый народом литератор, тогда категорически утверждал:

– Наш народ как пел, так и будет петь. Это у него в крови. Это национальная черта. Мало чести растоптать такое чудесное наследие.

Не помню, каких взглядов придерживались Сакен Сейфуллин, Майлин, Жансугуров и другие. Но Калибек Куанышпаев горячо поддержал литератора:

– Это наше песенное лицо. Красивое лицо. Кому же придет в голову уродовать его? – И он выразительно показал движениями рук и гримасами своего, полного благородства, лица, как это можно сделать и что из этого получится.

Все засмеялись, а Мухтар слегка нахмурился. Его глаза покрыла пелена мечтательности, щеки налились густым фиолетовым румянцем, с присущей ему тягой к образному выражению своих мыслей, он медленно, с легко угадываемой обидой в голосе, сказал:

– У степного родника свое журчание, у горного – свое. Но разве не ласкает слух, не волнует наших чувств сложный и красивый шум могучей реки, образованной слиянием этих родников? И разве не мелеет, не высыхает тот ручей, который не стремится слиться с рекой? Горько, когда не понимают такой простой истины.

Его оппонент усмехнулся:

– Мухтар оседлал любимого конька. – И после паузы: – Конек только уродливый попался, скачет то вспять, то в сторону.

Мухтар и вовсе потемнел лицом. Он был легко раним и обидчив.

– Скакуном управляет наездник. Искусство – доступное каждому джигиту. Труднее другое. – И тоже выдержал паузу. – Надо знать, чего ты хочешь добиться, надо уметь видеть, что там впереди. И стремиться к намеченной цели.

До этой свободной минуты возбужденная пережитым успехом Куляш молча стояла в стороне. А теперь спросила:

– Но, дорогой Мухтар-ага, как же различить журчание родника, поглощенного рекой, в ее, как вы сказали, сложном и красивом шуме?

Ауэзов на мгновение задумался:

– Нам нужно овладеть вершинами мировой музыкальной культуры и на приобретенном опыте строить свою национальную культуру, черпая силу и краски из песенных родников нашего народа.

Начиненный пословицами и поговорками, присказками и прибаутками, Иса Байзаков хмельно зашумел:

– Мухтар хочет сказать: новые времена – новые песни!

И снова все засмеялись. Мухтар даже не улыбнулся. Упрямая складка пролегла между бровей.

– Только на этом пути мы создадим и возвысим нашу литературу, наше искусство и внесем свой скромный вклад в сокровищницу мировой культуры. Примером нам служит передовая русская художественная мысль.

Сакен Сейфуллин требовательно спросил: – Как ты мыслишь это сделать? Не сразу ответил Мухтар. Помедлил.

– Пока мне ясно одно: оставаясь на позициях одногосыя, – он вложил в это слово свой более широкий смысл, – мы постареем, не успев расцвести. После Октября нам открылись заманчивые дали, и мы не имеем права топтаться на месте.

Сейфуллин вдруг воспламенился, широко и властно повел рукой: – Первыми шагами будут взаимное знакомство и познание, а затем – взаимное обогащение культур всем передовым и лучшим, что было создано и будет создано тем или иным народом в совместном строительстве социалистического общества...

С вершины семидесятых годов нам видно, каким славным, далеко не легким был путь создания и утверждения казахской советской культуры. Встречались на нем стремительные прорывы вперед, взлеты и открытия, встречались заблуждения и ошибки. Но всякий раз, сверяя свой курс по компасу партийности и народности, она неуклонно двигалась вперед вместе с многонациональной культурой большой Родины и стала такой, какой мы видим и знаем ее сегодня.

Ковалась она и в тех жарких спорах, на том тое, когда выслушав Сейфуллина, Мухтар сказал:

– Пример взаимопроникновения и обогащения культур показал нам великий Абай. Благодаря его перу пушкинская Татьяна запела на казахском языке и стала родной всему нашему народу.

– Запела! – вдруг восторженно воскликнула Куляш. Как будто бы ей внезапно открылось что-то удивительно сильное и прекрасное.

А может быть, в ту минуту она увидела, куда текут родники, и ей открылась тайна, как отличить тихоструйный чистый голос степного ручья от звонкой, раскованной говорливости горного в сложном и стройном шуме могучей реки профессионального музыкального искусства?

Может быть...

Встречи, которых не ждешь. – Алма-Ата, 1979. – С. 67–78.